

**Диана Османовна
ОСМАНОВА**

старший преподаватель
кафедры гражданского
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

doosmanova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Квалификация требования как способ злоупотребления правом

Аннотация. Статья освещает проблему недобросовестного использования правовой квалификации требования с целью получения преимуществ, в частности иного результата обращения за судебной защитой при тождественности исков. Автор согласен с тем, что прерогативой «потерпевшего» остается выбор основания защиты нарушенного права, однако на конкретных примерах из различных сфер правоотношений (корпоративных, несостоятельности (банкротства), договорных, деликтных, кондикционных и др.) демонстрирует возможность извлечения выгоды последним в зависимости от выбора основания защиты. В этой связи доказана позиция недопустимости получения различного результата судебной защиты за счет «манипулирования» правовой квалификацией требования, что в условиях текущего регулирования — вполне возможное явление. Подчеркнуто, что конечным звеном на пути воспрепятствования подобному недобросовестному поведению, когда избрание того или иного основания приводит к удлинению процессуальных сроков, снижению стандарта или бремени доказывания, упрощению механизма получения желаемого, является суд, наделенный правом изменения правовой квалификации требования.

Ключевые слова: квалификация требования, злоупотребление правом, недобросовестное поведение, оспаривание сделок в банкротстве, оспаривание корпоративных сделок, виндикация, реституция.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.87.11.066-075

D. O. OSMANOVA,

Cand. Sci. (Law), Senior lecturer
of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

doosmanova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Classification of a Claim as the Way of Abuse

Abstract. The article is dedicated to the visibility of the issue of classification of a claim as the way of abuse, in particular, another result of court protection in case of changing the cause of action when the complaints have the equal nature. The author agrees that the choice of classification of a claim must be the prerogative of the injured, but based on specific examples from different spheres (corporate law, insolvency law, contract law, tort law, unjust enrichment) demonstrates the possibility of taking advantage because

of such choice. It is proved that different result of court protection can't be achieved by manipulation of classification of a claim, that allows current regulatory environment. It is emphasized that the final step to prevent such abusive behavior (when the choice of classifications gives the opportunity to prolong procedural deadlines, lowering of evidentiary standards, simplification for producing a desired) must be court, with the authority to change the classification that is offered by the party of a dispute.

Keywords: *classification of a claim, abuse, misconduct, transaction challenge in insolvency, transaction challenge in corporate law, recovery, restitution.*

Если цель — спасение души,
то цель оправдывает средства.

Игнатий де Лойола

Эпиграфом к настоящей работе послужило распространенное высказывание о допустимости избрания любых средств для достижения праведного и справедливого результата. Проблема заключается в том, что незнание полного текста предложенной цитаты приводит к извращенному представлению об обоснованности использования любых средств и методов на пути к любому желаемому. Правовая среда не является исключением, когда отдельные субъекты оправдывают свое поведение намерением восстановления нарушенных прав и несовершенством текущего регулирования.

Дело в том, что современная судебная практика, как и действующее законодательство, традиционно и справедливо исходят из того, что выбор способа защиты нарушенного права из тех, которые доступны пострадавшему лицу в силу права или условий сделки, осуществляется по усмотрению последнего. Из правила об осуществлении гражданских прав по усмотрению их обладателей (п. 1 ст. 9 ГК РФ) делается вывод о том, что выбор одного из доступных истцу способов защиты нарушенного права принадлежит истцу¹.

Однако подобная автономия не предполагает такую безграничную свободу выбора, когда при наличии конкурирующих правовых режимов избрание того или иного из них приводит к разным правовым результатам.

Блокируя порочную практику необоснованного использования различных квалификаций одного и того же требования, Высший Арбитражный Суд РФ в постановлении Пленума от 25.02.1998 № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (документ утратил силу) указал, что если по возмездному договору имущество приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, собственник вправе обратиться с иском об истребовании имущества из незаконного владения покупателя. В случае, если в такой ситуации собственником заявлен иск о признании недействительной сделки купли-продажи и возврате имущества,

¹ См.: Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. 1120 с.

переданного покупателю, и при разрешении этого спора будет установлено, что покупатель отвечает требованиям, предъявленным к добросовестному приобретателю (ст. 302 ГК РФ), в удовлетворении исковых требований о возврате имущества должно быть отказано.

Вторя обозначенной позиции, Конституционный Суд РФ в постановлении от 21.04.2003 № 6-П указал, что в случае, если собственник вещи вместо виндикационного иска предъявил иск о признании сделки купли-продажи недействительной и о применении последствий ее недействительности в форме возврата переданного покупателю имущества и при разрешении этого спора будет установлена добросовестность покупателя, в удовлетворении исковых требований в порядке ст. 167 ГК РФ должно быть отказано.

Окончательно данная мысль укоренилась в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», согласно которому в случае отсутствия между лицами договорных отношений или отношений, связанных с последствиями недействительности сделки, спор о возврате имущества собственнику подлежит разрешению по правилам ст. 301, 302 ГК РФ.

На примере указанных судебных позиций автором прослеживается закрепление ключевой мысли, необходимость обозначения и доказательства которой поставлены в качестве цели настоящей работы, а именно — о недопустимости создания ситуации, при которой избрание разных способов или механизмов защиты нарушенного права приводит к различным правовым результатам.

Здесь сразу следует оговориться, что в контексте настоящего исследования не происходит смешения с хорошо известной правоприменителям проблемой конкуренции исков, когда нарушенное право может быть защищено различными правовыми средствами. В настоящей работе поставлен вопрос об использовании обозначенной проблемы (конкуренции исков) в недобросовестных целях, когда выбранная квалификация отношений гипотетически и практически приводит к принятию различных правовых решений по тождественным спорам.

Применительно к предложенным позициям намеренной подмены виндикационного требования реституционным стороны тем самым фактически снижали для себя стандарт доказывания, обходя правило о защите добросовестного приобретателя. Так, в рамках судебного разбирательства о признании сделки недействительной основной аспект сосредоточен на представлении доказательств наличия необходимых пороков, в то время как требование о виндикации имущества накладывает на заинтересованное лицо дополнительное бремя обоснования недобросовестности покупателя. Предложенный пример не является единственным.

Не менее распространена ситуация изменения основания требования с целью получения процессуальной выгоды в рамках оспаривания сделок в процедуре банкротства.

Федеральный закон от 23.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) устанавливает специальные составы оспаривания сделок, которым посвящена глава III.1 Закона о банкротстве: сделки с неравноценным встречным предоставлением (п. 1 ст. 61.2), преференциальные сделки (ст. 61.3) и сделки, совершенные во вред кредиторам должника (п. 2

ст. 61.2). При этом в силу разъяснений, данных в п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» (далее — постановление № 63), предусмотренные указанными статьями сделки являются оспоримыми, срок давности оспаривания по которым составляет 1 год (п. 2 ст. 181 ГК РФ).

В то же время указанное постановление № 63 в аналогичном пункте закрепляет возможность оспаривания сделок должника не только по основаниям специальной нормы, но и по общегражданским основаниям, в частности, взаимосвязанным положениями ст. 10 и 168 ГК РФ, когда при совершении сделки обнаруживается злоупотребление правом. Исковая давность для предъявления подобного требования составляет 3 года (п. 1 ст. 181 во взаимосвязи с п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Аналогичным образом рассчитывается исковая давность в случае оспаривания сделки по иным основаниям, предусмотренным ГК РФ, например ввиду ее мнимости (п. 1 ст. 170 ГК РФ). Возможность использования как специальных, так и общих оснований оспаривания сделок должника логически выводится из повсеместного применения положений ГК РФ ко всем отношениям, которые урегулированы данным законом, в том числе при наличии специального (каким является Закон о банкротстве), а потому на практике это приводит к намеренной подмене оснований оспаривания с целью увеличения исковой давности. Указанная проблема была также подмечена рядом иных авторов².

Так, на рассмотрение Верховного Суда РФ был передан спор об оспаривании соглашения о переводе долга и отдельных платежей должника. Нижестоящие суды не восприняли доводы ответчика о пропуске заявителем исковой давности для предъявления соответствующего требования, поскольку основанием оспаривания являлись не специальные нормы Закона о банкротстве, а положения ст. 10, 168 ГК РФ. Однако Верховный Суд РФ указал, что выбор гражданско-правовым сообществом кредиторов определенной стратегии получения удовлетворения своих требований (посредством восстановления платежеспособности за счет займов третьего лица, без использования иных способов пополнения конкурсной массы) не может влиять на содержание права контрагента по сделке защититься от ее оспаривания ссылкой на истечение срока исковой давности, за исключением ситуации, когда объективная невозможность предъявления иска возникла по обстоятельствам, за которые отвечает сам контрагент³.

² См.: Правовое регулирование экономических отношений. Несостоятельность (банкротство) / под ред. Е. П. Губина, С. А. Карелиной. М. : Статут, 2018. 256 с. ; Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153—208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. 1264 с. ; Тай Ю. В., Будылин С. Л. Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 4—22.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.03.2021 № 307-ЭС19-20020(9) по делу № А56-18086/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Полагаем, что указанный вывод должен быть истолкован расширительно как не допускающий сторонам изменять результат обращения за судебной защитой за счет избранной квалификации своего требования.

Аналогичная проблема смешения правовых оснований оспаривания сделок встречается в корпоративном законодательстве. Так, Д. И. Степанов указывает, что в ситуации, когда невыгодная, по мнению истца — миноритарного участника, сделка, являющаяся крупной, была одобрена большинством голосов, на которые миноритарный участник повлиять не мог, при этом в результате совершения сделки из общества было выведено все ликвидное имущество (количественный и качественный критерии налицо), последний вместо того, чтобы оспорить сделку как крупную, а значит, опереться на нормы корпоративного закона и ранее созданную судебную практику по оспариванию крупных сделок, предъявляет иск со ссылкой на общегражданские нормы о недействительности сделок (ст. 10 и 168 ГК РФ), несмотря на прямое указание закона о том, что основанием оспаривания крупных сделок являются правила ст. 173.1 ГК РФ⁴. Суды с подобной возможностью обхода специальных правил оспаривания соглашались⁵.

Тем самым вновь могут быть изменены в благоприятную для заинтересованной стороны сторону как процессуальный срок обжалования (три года вместо одного), так и стандарт и бремя доказывания. Подобное допущение со стороны судебных органов видится крайне странным с учетом того, что Верховный Суд РФ уже не раз высказывал позицию о недопустимости нарушения правового равенства и создания такой обстановки, когда юридические лица находятся в привилегированном состоянии за счет возможности «продления» исковой давности по требованиям об оспаривании сделок посредством совершения каких-либо манипуляций, например смены директора⁶.

Сфера корпоративных отношений, а также несостоятельности (банкротства) — не единственные области правовой жизни, где встречается обозначенная возможность недобросовестного использования квалификации предъявляемого требования. Не менее распространенным является подобное поведение в условиях потенциальной конкуренции деликтного (гл. 59 ГК РФ) и договорного исков.

В силу п. 1 ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Если иное не установлено законом, использование кредитором иных способов защиты нарушенных прав, предусмотренных законом или договором, не лишает его права требования от должника возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Буквальное толкование указанной нормы позволяет прийти к выводу, что наличие договорной связи между контрагентами не лишает управомоченную сторону права избрать

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность». Пункт 1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Степанов Д. И. Опасность контрмажоритаризма при оспаривании корпоративных решений // Закон. 2020. № 11. С. 63—75 ; № 12. С. 154—188 ; 2021. № 1. С. 115—124.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 305-ЭС19-20584 // СПС «КонсультантПлюс».

иной механизм защиты, чем тот, который установлен для соответствующего вида договора.

Подобное толкование предложенных положений коррелирует с разъяснениями, содержащимися в п. 2 и 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее — постановление № 16), разграничивающими понятия диспозитивных и императивных норм.

Так, норма является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением иного, чем в ней указано, либо если это следует из целей законодательного регулирования и необходимо для определенных интересов. В данном случае предложенные разъяснения в части императивности запретов не могут быть применены, поскольку вышеобозначенные положения закона наоборот — напрямую предоставляют подобную возможность. В этой связи в текущем регулировании (вопреки ранее господствовавшей позиции о недопустимости обращения к гл. 59 ГК РФ при наличии договора⁷) конкуренция договорного и деликтного исков возможна и далеко не всегда разрешается в пользу первого. Аналогичным образом допустима конкуренция договорного и кондикционного требований (гл. 60 ГК РФ)⁸.

Следует отметить, что в отдельных случаях законодатель напрямую предоставляет возможность при наличии договора обращаться к положениям гл. 59 ГК РФ. В частности, в силу ст. 580 ГК РФ вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу одаряемого гражданина вследствие недостатков подаренной вещи, подлежит возмещению дарителем в соответствии с правилами гл. 59 ГК РФ.

Согласно ст. 800 ГК РФ ответственность перевозчика за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, определяется по правилам гл. 59 ГК РФ, если законом или договором перевозки не предусмотрена повышенная ответственность перевозчика. В рамках ч. 1 ст. 1095 ГК РФ указано, что вред, причиненный

⁷ Здесь отдельно следует подчеркнуть, что автору настоящей работы известны позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, высказанные в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.06.2014 № 2410/14 по делу № А41-2321/13 и от 18.06.2013 № 1399/13, о недопустимости предъявления деликтного иска при наличии договора, а также проведен анализ актуальной практики, где подобные воззрения еще могут быть обнаружены. См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.03.2021 № 53-КГ20-26-К8.

Однако изменения, внесенные в п. 1 ст. 393 ГК РФ, подтверждают вывод о допустимости подобного смешения оснований. См., например: постановление ФАС Волго-Вятского округа от 05.08.2014 по делу № А82-7538/2012 ; определение Верховного Суда РФ от 23.01.2015 № 301-ЭС14-4810 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2021 № Ф05-18967/2021 по делу № А40-233971/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Подобная возможность закреплена, например, в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 33, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 04.12.2000 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей», а также встречается в судебных актах при рассмотрении конкретных споров. См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2021 № 09АП-47281/2021 по делу № А40-192725/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет.

В иных же случаях, следуя логике Высшего Арбитражного Суда РФ в выше-обозначенном постановлении № 16, даже при отсутствии прямого указания закона (в специальных нормах, посвященных отдельным видам договоров) обращение к гл. 59 ГК РФ является допустимым. Однако подобная возможность потенциально может вновь привести к иному правовому результату обращения за судебной защитой.

Например, положения ст. 796 ГК РФ устанавливают ограниченную ответственность перевозчика за несохранность груза или багажа, произошедшую после принятия его к перевозке и до выдачи управомоченному лицу: либо в размере стоимости утраченного или недостающего груза или багажа, либо в размере суммы повреждения, либо в размере объявленной стоимости груза или багажа. Тем самым в случае предъявления требования, основанного на положениях договора и специальной нормы, объем взыскания будет ограничен соответствующими лимитами.

Напротив, в случае предъявления требования о возмещении вреда (в порядке гл. 59 ГК РФ) ограничивающие размер возмещения правила будут нивелированы. Помимо этого, по требованиям, вытекающим из перевозки груза, установлена сокращенная исковая давность — 1 год (п. 3 ст. 797 ГК РФ), в то время как по искам в порядке гл. 59 ГК РФ применяются общие правила — 3 года.

Так, обнаруживается практика недобросовестного поведения субподрядчика, предъявившего в порядке гл. 59 ГК РФ требования к заказчику о возмещении фактически неоплаченной части выполненных работ. В подобных категориях споров суды прямо указывают, что, квалифицируя свои требования как убытки (вред, возникший из деликта), а не как взыскание задолженности по договору, истец фактически пытается преодолеть факт пропуска исковой давности, заявляя, что срок по деликту начал исчисляться с момента вступления в силу решения суда первой инстанции по делу о взыскании с истца денежных средств в пользу субподрядчика. С учетом установленного факта недобросовестного поведения в удовлетворении подобных требований судебные органы отказывают⁹.

Однако в контексте исследуемых споров противодействие подобному поведению не представляет особой сложности ввиду наличия прямой нормы недопустимости прямого взаимодействия между субподрядчиком и заказчиком (п. 3 ст. 706 ГК РФ).

Гораздо сложнее и интереснее было бы проанализировать подходы судебных органов в случае, когда в договорной связи появляется третье лицо, которое

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.11.2019 по делу № А40-242439/2017. Аналогичное решение сформулировано в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 19.10.2015 по делу № А40-108755/14 // СПС «КонсультантПлюс».

напрямую стороной соглашения не является (выгодоприобретатель, грузополучатель, адресат и пр.). Формальное отсутствие привязанности к условиям договора предоставляет таким субъектам широкую дискрецию на манипулирование квалификацией своего требования для достижения необходимого результата. К сожалению, примеров судебной практики по описанным ситуациям обнаружить не удалось.

Несмотря на сложность и неоднозначность вышеописанных казусов, их анализ тем не менее позволяет резюмировать понимание указанной проблемы со стороны судов и зачастую эффективное противодействие ее проявлениям.

Однако вплоть до настоящего времени открытым остается разрешение ситуации, при которой избранная квалификация требования ввиду устоявшейся судебной практики однозначно не приведет к положительному результату, в связи с чем заинтересованная сторона либо в принципе не обращается за судебной защитой, либо намеренно с этой целью избирает иную квалификацию требования. Например, долгое время отрицалась идея субординации требований в банкротстве, в связи с чем предъявление связанных с этим требований было бесполезным; аналогичным образом отрицалась возможность конкуренции договорного и деликтного требования, из-за чего добросовестные пострадавшие лица не могли защитить нарушенное право иным способом, кроме как требованием, основанным на договоре (что создавало достаточно много проблем в условиях ликвидации контрагента по такому договору).

Отдельные аспекты в принципе могли быть не исследованы судом до каких-либо «поворотных» дел, заставивших обратить внимание на тот или иной вопрос, например, таких как недобросовестное поведение третьих лиц в банкротстве (исполняющих обязанность должника в порядке ст. 313 ГК РФ) либо коллективный характер деликта в случае несостоятельности (когда к ответственности стали привлекаться не только руководитель должника, но и иные, совершенно нетипичные лица — бывшие супруги, дети и пр.).

Подобные категоричные изменения вектора правовой мысли вновь возвращают к вопросу о том, что в некоторых ситуациях необходимость грамотного установления правовой квалификации требования объективно необходима для того, чтобы нарушенное право потенциально имело возможность быть восстановленным при обращении за судебной защитой. С другой стороны, это не отменяет того, что изменение квалификации приводит к разным правовым последствиям.

Т. В. Драгунова в своем исследовании провела подробный исторический экскурс по ключевым позициям ученых касательно возможности «жонглирования» правовыми основаниями. Общая направленность мысли перечисленных в статье авторов (И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц, О. С. Иоффе) демонстрирует недопустимость предоставления истцу возможности за счет существующей конкуренции влиять на правовой исход. В этой связи крайне важно проводить четкое разграничение между различными основаниями и выбирать нужное исходя не из потенциальной выгоды для взыскателя, а с учетом специфики нарушенного права и характера отношений участников спора¹⁰.

¹⁰ См.: Драгунова Т. В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 91—161.

Автор настоящей работы не столь категоричен в вопросах избрания правовой квалификации требования. Предполагается, что в канве действующего регулирования выбор правового основания должен оставаться за заинтересованным лицом. Акцент должен быть смещен в сторону не надлежащей квалификации требования, а правового результата, который должен быть получен при обращении к тому или иному механизму. Основное правило заключается в том, чтобы избрание различных оснований защиты не приводило к разным правовым результатам, когда, как было указано выше, ссылка на иное основание удлиняет срок судебной защиты либо облегчает доказательственное бремя, либо отменяет лимиты ответственности.

Верховный Суд РФ неоднократно в рамках своих позиций¹¹ подтверждал идею о том, что выбор способа защиты нарушенного права не носит абсолютный характер и подлежит оценке через призму п. 4 ст. 1 ГК РФ, согласно которому никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. С этой целью в контексте п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» суду дана обширная дискреция самостоятельной квалификации предъявленного требования, которая должна быть истолкована в контексте того, что суд является не только более квалифицированным участником спора, но и гарантом недопустимости проявления недоброй совести со стороны заинтересованных лиц при обращении за судебной защитой (во исполнение п. 1 указанного постановления).

Резюмируя вышеизложенное, необходимо выделить ряд ключевых выводов, отражающих позицию автора.

Прежде всего, конкуренция предъявленных требований не является негативным явлением до тех пор, пока не приводит к неоднородности последствий защиты нарушенного права при тождественности требований.

Основная идея, «вплетенная» в нормы гражданского законодательства, заключается в том, что восстановление нарушенного права должно поставить заинтересованное лицо в такую ситуацию, как если бы обязательство было исполнено надлежащим образом, поэтому в условиях, когда правовая квалификация предъявленного требования изменяет положение данного лица (улучшает его по сравнению с тем, как если бы обязательство было исполнено, что в конечном итоге приводит к его выгоде от неисполнения обязательства), она должна быть скорректирована.

В этой связи избрание основания требования — прерогатива обращающегося заинтересованного лица, чье право нарушено, однако контроль за недопустимостью недобросовестного поведения за счет подобного избрания остается за судом. По этой причине в исключительных случаях, когда возникает необходимость справедливого разрешения спора и защиты явно добросовестной стороны, подобное манипулирование правовой квалификацией является вполне оправданным.

¹¹ См., например: определение Верховного Суда РФ от 11.12.2018 № 16-КГ18-49 // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Губин Е. П., Карелина С. А. Правовое регулирование экономических отношений. Несостоятельность (банкротство). — М. : Статут, 2018. — 256 с.
2. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева [и др.]. — М. : М-Логос, 2017. — 1120 с.
3. Драгунова Т. В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 12. — С. 91—161.
4. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153—208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.]. — М. : М-Логос, 2018. — 1264 с.
5. Степанов Д. И. Опасность контрмажоритаризма при оспаривании корпоративных решений // Закон. — 2020. — № 11. — С. 63—75 ; № 12. — С. 154—188 ; 2021. — № 1. — С. 115—124.
6. Тай Ю. В., Будылин С. Л. Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 6. — С. 4—22.